# Как понять нашу глубинку

**Тюрин Г.В., Тюрин В.Г. Как поднять нашу глубинку. Локальная экономика в России и в мире. СПб.: Издательский проект «Живая провинция», 2018. — 308 с. ISBN 978-5-6041434-0-7.**

**В.В. Бабашкин**

*Владимир Валентинович Бабашкин*, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-4-115-123

Книга, которую опубликовал Глеб Владимирович Тюрин со своим молодым соавтором, может оказаться весьма полезной — если ее правильно использовать. Под таковым использованием я мыслю совсем не то, что содержат шесть восторженных отзывов, вынесенных на обложку издания и подписанных уважаемыми людьми. Эти отзывы, по-моему, имеют отношение не столько к содержанию книги, сколько к тому факту, что главный автор ее текста — не только «бизнес-тренер, коуч, консультант по развитию малой местной экономики и местных сообществ, эксперт по социальному дизайну» (с. 307), но и отличный промоутер (Жириновский убил бы за такое словоупотребление, но в данном случае я делаю это сознательно). Вот, скажем, В.И. Патрушев, профессор РАНХиГС, пишет: «Эта книга дает ответ на вопрос: как выйти из бедственного положения тысячам деревень и малых городов на этих просторах, где молодежь голосует ногами в направлении мегаполисов». А мне все не дает покоя другой вопрос: не является ли одной из важнейших причин подобного «голосования» то, как в наших школах и вузах в последние лет тридцать преподается история аграрных отношений в России?

Говоря о сугубой полезности монографии Г.В. и В.Г. Тюриных, я имею в виду как раз то, насколько удобно ее использование для критики тех идейно-теоретических позиций, с которых, как правило, это делается. Дело в том, что в ее многочисленных главах в незамутненном, химически чистом виде представлен либерально-рыночный подход к интерпретации аграрно-крестьянского развития России в пореформенный период ее истории (после 1861 года) и далее вплоть до наших дней. Взгляд этот изложен предельно доходчиво, с максимальным упрощением причинно-следственных связей. Можно даже считать это удачной попыткой популяризации той вер-

сии аграрной истории России в XX веке, которую очень настойчиво, сдабривая щедрым финансированием, проталкивали наши заокеанские и западноевропейские «друзья и партнеры». Сразу оговорюсь, что это чистая политика, и лучшие представители западной аграрной советологии здесь ни при чем. Те выводы, которые основываются на адекватном анализе большого количества исторических источников, одинаково жестко противостоят обеим базовым версиям политизации истории — как советской, так и антисоветской. Первое, что приходит в голову в этой связи, — блестящий доклад Р.У. Дэвиса (Великобритания) и С.Г. Уиткрофта (Австралия)[1], оставляющий немного шансов на дальнейшее существование той набившей уже оскомину версии коллективизации крестьянского хозяйства в СССР, которая кратко, ясно и доходчиво (тут нужно отдать должное соавторам) изложена в главе, одним названием которой можно было бы и ограничиться (*sapienti sat*): «Коллективизация. Тотальное огосударствление. Исчезновение малой экономики в СССР» (с. 172).

Можно называть имена и других зарубежных экспертов по экономической и политической истории СССР, чьи исследования в области аграрных отношений автоматически тяготеют к методологии крестьяноведения по той простой причине, что для добросовестного историка невозможно изучать советскую историю 1930-х годов в подробностях и избегать при этом осмысления причинно-следственных связей в рамках того, что М.Л. Левин обозначил как «аграрный комплекс» и «аграрный деспотизм»[2]. И это резко усложняет вопрос о том, вступила ли малая экономика в СССР на путь скорого и неизбежного исчезновения в связи с жестким проведением политики коллективизации. Но в том-то и прелесть критикуемой книги, что для ее соавторов ответ очевиден и прост: да, однозначно, вступила. Они связывают это как раз с тем, что коллективизация представляла собой «тотальное огосударствление» локальной сельской экономики с целью максимального выкачивания средств из сельского хозяйства в государственный бюджет. Поставить проблему сложных алгоритмов взаимодействия ЛПХ колхозников с общественным хозяйством колхозов и попытаться рассмотреть ее под углом зре-

1. См.: Бабашкин В.В. (ред.) (2015). Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М.: Политическая энциклопедия. С. 592–658.
2. Там же. С. 311; см. также: *Lewin M.* (1911). Russia/USSR in Historical Motion; an Essay in Interpretation // The Russian Review. Vol. 50. No 3. July. P. 257–261; *Левин М.* (2008). Советский век / Пер. с англ. В. Новикова, Н. Копелянской. М.: Издательство «Европа». С. 257–258; *Бабашкин В.В.* (2014). К вопросу об «аграрном деспотизме» // Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: Изд-во Ипполитова. С. 38–48.

ния концепции «моральной экономики» крестьянства[3] — неприемлемое нарушение чистоты жанра.

Будучи историком, Г.В. Тюрин признает: «В 1960-е годы в сельскую местность начали вкладывать деньги: миллионы рублей на развитие сельского хозяйства, инфраструктуры, на строительство жилья. Но стагнация села продолжалась». Каково же объяснение стагнирующего советского сельского хозяйства (несмотря на наличие отдельных колхозов-миллионеров и противоречивые попытки введения хозрасчета и бригадного подряда)? Все предельно просто: «Мы и сегодня сталкиваемся с последствиями огосударствления. За десятилетия люди привыкли к тому, что им “должны”, что о них обязано заботиться государство. Значительная часть людей в России не готова самостоятельно решать свои проблемы (и уж тем более, проблемы своей территории)» (с. 177). Объяснение не просто предельно простое, оно подогнано под такой ответ: «за десятилетия» люди привыкли к государственному патернализму, поскольку забыли свою не такую уж и давнюю (всего лишь столетнюю, а с учетом нэпа и менее чем столетнюю) историю, но затем и нужны методички вроде «Как поднять нашу глубинку», чтобы напомнить, что «благодаря локальной экономике, малым производствам Россия стремительно развивалась в конце XIX — начале XX века, создав беспрецедентно высокий уровень развития. Ключевую роль в этом сыграли именно малые производства — наша страна была одним из пионеров в этой сфере» (с. 7). «...К 1917 г. в России успешно действовало более 50 тысяч кооперативов и артелей. Это была самая большая кооперативная экономика мира, и она стремительно развивалась... В нашей стране этот путь был трагически прерван большевиками. Но на него (грамотно совмещая его с крупным фабричным производством) со временем вышли многие страны мира. Кроме нас, горемык. Так, может быть, нам стоит вернуть из небытия этот драгоценный опыт?» (Там же).

Остались еще вопросы к методологии авторов «Поднятой глубинки»? У меня разве что один — и тот, подобно вопросу о возврате из небытия драгоценного опыта, риторический: возможно ли, основываясь на теоретически ложных посылах, сформулировать теоретически состоятельные выводы? А посылы таковы: в пореформенный период (после 1861 года) мощно заработали те законодательные основания, которые были заложены в основу аграрной реформы (в отношении крепостных крестьян) и земской реформы[4]. Эту ак-

3. См. об этом: *Бабашкин В.В.* (2016). Морально-аморальная экономика // Российская история. №. С. 184–188.

4. О том, что это, мягко говоря, не совсем так, см.: *Рязанов В.Т.* (2011). Реформа 1861 г. в России: причины и исторические уроки // Крестьянская реформа 1861 г.: итоги и последствия. М.: Институт экономики РАН. С. 20–44; *Kopsidis M., Bruish K., Bromley D.W.* (2015). Where is the backward Russian peasant? Evidence against the superiority of the private farming, 1883–1913 // The Journal of Peasant Studies. Vol. 42. № 2. P. 425–447.

сиому нельзя подвергать сомнению, иначе разрушится незамысловатая, но очень стройная логика книги.

Поэтому забудем об острой полемике в историографии и перейдем к следующему узлу критикуемого логического построения. «Умное правительство Александра II, готовя земскую реформу» (с. 16), сознательно не выделяло создаваемым местным органам самоуправления никакого финансирования, предоставляя им решать сложнейшие управленческие задачи на основе самофинансирования, с чем они и справлялись якобы более чем успешно. В результате страна в исторически сжатые сроки получила (что называется, «откуда ни возьмись») отличную систему местного самоуправления (земства) и развитую сеть локальной экономики (в том числе для финансирования земских нужд). «Умное правительство» и общину-то крестьянскую, оказывается, сохранило не столько ради фискального интереса, сколько потому, что (правы были либеральные народники и легальные марксисты) на ее основе можно было получить развитую артельно-кооперативную экономику, минуя, по возможности, капитализм. И к 1914 году страна оказалась в таком состоянии, что будущее ее «превосходило все, что может представить себе самое смелое воображение» — и откуда только взялись эти чертовы большевики?

Короче говоря, большевики-то все и испортили, будучи какими-то природными врагами локальной экономики и демократического местного самоуправления. Здесь, надо полагать, авторы подставились бы под самую безжалостную критику даже со стороны В.П. Данилова, чью увлеченность разнообразными формами дореволюционной крестьянской кооперации они пытаются вплести в эту свою вульгарную историософскую схему: «По оценке историка Данилова, в разные формы коллективных хозяйств к 1917 году входило не менее половины крестьянских дворов [Человек и земля: Сб. ст. М., 1988, с. 190]» (с. 299). Авторы могли бы с тем же успехом ссылаться и на более поздние работы Виктора Петровича, поскольку проблематике крестьянской кооперации, как дореволюционной, добольшевистской, так и нэповской, он всегда уделял огромное внимание. Но тогда они как историки обязаны были бы знать, как формулировал выдающийся наш историк-аграрник свою теоретическую концепцию «крестьянской революции в России 1902–1922 годов». Именно эта революция являлась главным фоном и основой для развития экономики страны и для принципиальных политических событий, включая приход к власти большевиков. Иными словами, чтобы понять, почему большевики пришли к власти, необходимо понимать, что собою представляла эта революция — по сути и по форме.

Не тут-то было. По этому вопросу в критикуемом сочинении звучит та «старая песня о главном», что большевики, мол, просто украли «эсеровскую» программу по крестьянству, и это обеспечило им победоносный государственный переворот. Мало того, Ленин дого-

ворился с эсерами (пару раз — но не более — даже упоминается левизна тех эсеров) о работе в наркомате земледелия, иначе крестьяне бы его СНК точно снесли. И землепользование стало налаживаться. А далее следует убийственный для большевиков вердикт соавторов: «На самом деле такая деревня большевикам была совсем не нужна. Впрочем, стоит отметить, что пять месяцев руководства эсерами аграрными преобразованиями в России не прошли даром. Они широко распространили коллективные формы земледелия: ТОЗы, артели, коммуны. Это было небывалое время для крестьянства. Свершилась вековая мечта. Крестьяне получили землю. Они думали, что достигли земли обетованной. Но истинные цели нового правительства стали понятны очень скоро. Большевикам не нужны были ни мелкие крестьянские хозяйства, ни кустари, ни малые производства в целом» (с. 105). Большевикам, вероятно, нужен был срыв страны в безвременье репрессий и гулагов, тотального огосударствления экономики и попрания прав человека и т. д., и т. п.

Соавторы, должно быть, искренне удивятся, узнав, что есть сколько угодно историков, которые содержание всех этих событий, причинно-следственные связи, лежащие в их основе, трактуют с точностью до наоборот: не наркомземовское (лево)эсеровское законодательство поравняло деревню 1917–1918 годов в землепользовании — это сделали сами крестьяне на пике своей революции, на губернских и уездных своих съездах[5]. И делали они это неторопливо и по-крестьянски обстоятельно, между прочим, так и не дождавшись соответствующих постановлений майского 1917 года Всероссийского крестьянского съезда, эсеровский президиум которого отчаянно сопротивлялся самой мысли о возможности постановки на голосование резолюций в духе 242 крестьянских наказов этому съезду[6]. Завершив посевную страду в тот революционный год, крестьяне повсеместно, опираясь на свои традиционные органы общинного самоуправления и на вновь создаваемые Временным правительством и советской властью местные комитеты и советы, устраняя сопротивление столь милых сердцу Г.В. и В.Г. Тюриных земских органов (там, как известно, заправляли представители дворянского сословия), решали главный для России — земельный — вопрос самым радикальным способом. И это был не тот способ, который практиковали столыпинские землемеры, создавая идиллические для некоторых современных историков и общественных деятелей мелкие крестьянские частные хозяйства. Напротив, те крестьяне, которых можно по-настоящему назвать столыпинскими «выделенцами» (их доля в общем числе крестьянских хозяйств сегодня недобросовестно и очень сильно преувеличивается некоторыми участника-

5. См.: *Герасименко Г.А.* (1995). Народ и власть (1917 год). М.: «Воскресенье».
6. См. об этом: *Лавров В.М.* (1996). «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М.: Археографический центр. С. 100–102.

ми аграрно-исторических исследований[7]), первым делом и попадали под каток общинного «черного передела». Д.И. Люкшин пишет об этом так: «Натиск на хуторян и отрубников был характерен для всей Европейской России, но с особой силой стремление выкорчевать столыпинские “саженцы” проявилось в Самарской, Уфимской, Саранской, Казанской и Симбирской губерниях, то есть в регионах, где община была традиционно сильна»[8].

Справедливости ради, следует сказать, что рецензируемая монография содержит огромное количество полезной информации по истории нашей страны, и читать ее с этой точки зрения очень интересно. Однако, несмотря на калейдоскопическое разнообразие тем, представленных в семи частях и тридцати семи главах книги, это именно монография, поскольку моноидея выражена на редкость четко и, честно говоря, незамысловато. Соавторы ссылаются на различного рода теории, государственные программы, декларации политических партий, связанные с упованием на сельскохозяйственную кооперацию и кустарную промышленность как панацею от всех экономических трудностей и бед, и в той части, в какой все это не реализуется на практике, раздраженно сетуют на большевистские козни и коммунистическую преданность идее огосударствления экономики. Такая тенденция имела место в отечественной историографии первой половины 1990-х годов, когда казалось, что стоит заколотить «последний гвоздь в крышку гроба коммунизма», и будем жить, как в Штатах. Но оказалось, что все сложнее и интереснее.

Более трети объема книги о локальной экономике в России и в мире посвящено претензии ее авторов на опору в своих современных теориях местного развития на мировой опыт. Они пытаются показать тот путь, на который «со временем вышли многие страны мира. Кроме нас, горемык» (с. 6). Любопытны те регионы мира, на которых соавторы решили остановиться в поисках подтверждения необходимости в сегодняшней России шире привлекать опыт того, что делалось и делается в этом плане в других странах: Южная Корея, Швеция, Китай, США, Бангладеш. Именно в этой последовательности. По-моему, в таком калейдоскопе есть какая-то сумасшедшинка. Взять хотя бы Республику Корея, первую в этом странноватом списке.

Глава, посвященная Республике Корея (с. 196–209), представляет собой довольно топорно, на мой взгляд, изготовленный реферат двух источников информации: Park Chung Hee. *Korea Reborn. A Model for Development* (New Jersey: Prentice Hall Inc. Englewood Cliffs, 1979), то есть мемуары корейского военного диктатора Пак Чжон Хи о том, как он возродил Корею (кстати, в сети Интернет

7. См. об этом: *Анфимов А.М.* (2002). П.А. Столыпин и российское крестьянство. М.: ИРИ РАН. С. 153–174.

8. *Люкшин Д.И.* (2017). Коммунары поневоле: общинная революция в драматургии Второй русской смуты. Казань: Изд-во Казан. ун-та. С. 129.

опубликован перевод этого текста на русский язык), и *The Saemaul Undong Movement in the Republic of Korea. Sharing Knowledge on Community-Driven Development* (Mandaluyong City, Philippinnes: Asian Development Bank, 2012).

Событийный ряд в этой небольшой по объему главе самый что ни на есть простецкий. Пришел военный диктатор в беднейшую азиатскую страну в 1961 году, за пару пятилеток по советскому образцу поднял городскую промышленность, летом 1969 года из-за наводнений съездил в деревню, поразился бедности крестьянского бытия и 22 апреля 1970 года провозгласил *Сэамыль ундон* (*Saemaul Undong*) — «Движение за новую деревню». Государство оказывало деревням минимальную бюджетную поддержку (сколько могло, «денег нет, но вы держитесь»), но морально всячески стимулировало подъем деревни за счет собственной инициативы людей. И постепенно, поэтапно в течение 1970-х годов, как говорится, «откуда что взялось» — деревня возродилась и стала процветать. Правда, в 1979 году диктатора Пака застрелили, и движение как-то очень легко забылось. Но сейчас вспомнилось, интерес к движению проявлен в более чем семидесяти странах мира, там намереваются частично опираться во внутренней политике на этот исторический опыт Республики Корея. Воспоминания диктатора Пака о движении *Saemaul Undong* содержательно понятны. Приблизительно так же выглядят мемуары руководителей нашего эсеровского движения: как хорошо было бы крестьянской деревне, если бы не большевики (краткое концептуальное содержание монографии Тюриных). Только Пак Чжон Хи мог писать не в сослагательном наклонении, а в изъявительном — подобно тому, как о сталинской коллективизации, а затем о хрущёвской «второй коллективизации» писала советская аграрная историография.

А информация второго источника (2012 года издания) о возрождении в мире интереса к движению тоже по-человечески понятна. Это год прихода к власти демократическим способом Пак Кён Хе — дочери Пак Чжон Хи. Корейские эксперты полагают, что один из лучших для нее способов улучшения исторического образа отца — мифологизированное «Движение за новую деревню». Поэтому сейчас, когда Пак Кён Хе в связи с коррупционным скандалом демократическим же способом отставлена, без убийства (чем многие южные корейцы очень гордятся), корейские аграрники много делают для разоблачения этого мифа.

12 апреля 2019 года в Московском государственном педагогическом университете проходила международная научно-практическая конференция «Крестьянство в истории новейшего времени: Восток, Запад, Россия». На секции специалистов по Востоку выступил профессор университета Сунконгхоу (г. Сеул) Ким Чан Чжин. Тема доклада: «Корейская модернизация и крестьянская мобилизация в 1960-е — 1970-е годы». Нам здесь интересен его взгляд на вещи не только потому, что он прямо противоположен изложенному в «корейской» главе книги Тюриных, но еще и потому, что

профессор Ким — довольно известный специалистам исследователь государственной политики России в области аграрной кооперации в первой трети XX века[9] и большой энтузиаст идеи укрепления связей между Республикой Кореей и Российской Федерацией сегодня. Он и его единомышленники не отрицают того, что теперь принято называть «корейским экономическим чудом» (в монографии соавторов использована фраза: «Экономическое вознесение Республики Корея» [с. 196]). Они против той постановки вопроса, что город и деревня развивались параллельно и гармонично. Они достаточно жестко ставят вопрос о том, что диктатор Пак организовал Национальную федерацию сельскохозяйственных кооперативов (*NACF*) и «Движение за новую деревню» с целью решения социально-экономических проблем города *за счет* деревни и в ущерб тому естественному развитию крестьянской кооперации, которое могло бы осуществляться, если бы не функционировали эти институты и структуры фактического огосударствления крестьянского производства.

В заключение доклада было сказано буквально следующее (я располагаю письменной версией этой работы и уполномочен при случае цитировать): «Экономический успех Кореи в осуществлении сильной политики модернизации в 1960-е — 1970-е годы имеет международное признание. Однако успех этот достигался ценой обслуживания *NACF* интересов не столько своих членов, сколько государства, ценой разрушения автономии сельской общины, ценой коллапса сельского хозяйства и сельских территорий. *NACF* (*Nonghyup*), которая задумывалась как добровольная организация независимых сельскохозяйственных производителей, с самого начала своего существования превратилась в послушного проводника аграрной политики военного государства. Движение *Сэамыль*, которое следовало рассматривать как Движение за обновление деревни, на самом деле повсеместно усиливало упадок сельского хозяйства и сельских территорий, поскольку это был способ мобилизации сельских жителей. Как мы утверждали выше, в период 60 — 70-х гг. корейское гражданское общество было зависимым от государства. В то же время, проявления крестьянского сопротивления рассматривались как реакция на военизированную политику государства».

С моей подачи профессор Ким прочитал главу «Местное развитие в Южной Корее» (с. 196–209), благо читает и говорит по-русски свободно. Что он при этом сказал, меня порадовало, т. к. вполне совпало с приведенной выше моей собственной оценкой изложенных в монографии российских сюжетов: «Похоже, по идеологическим убеждениям авторов можно отнести к либеральным консерваторам, которые склонны наивно полагать, что политика и государственная пропаганда — это и есть реальность. Во многих случаях, не только в Южной Корее и в России, направление государственной полити-

9. *Ким Чан Чжин* (1996). Государственная власть и кооперативное движение в России-СССР (1905–1930). М.: ИРИ РАН.

ки отступало от изначальной цели, либо результат политики оказывался в противоречии с такой целью. Поэтому, если они серьезные ученые, для них очень важно все время показывать разницу между целью и результатами того или иного политического курса».

Я не знаю, как поднять нашу глубинку. Я даже не знаю, станет ли она подниматься, если на уровне правительственной политики будет громогласно взят курс на ее подъем. Кажется, это уже происходит, и история с сорока (или даже двадцатью) городскими агломерациями — в прошлом. Но я точно знаю, глубоко убежден, что необходимым элементом реализации этой жизненной цели является адекватное преподавание российской истории в школе с мощным присутствием сельского исторического краеведения.

## How to comprehend our hinterland

*Tyurin G.V., Tyurin V.G.* How to Develop Our Hinterland. Local Economy in Russia and the World. Saint-Petersburg: “Zhivaya Provintsiya”, 2018. — 308 p. ISBN 978-5-6041434-0-7.

*Vladimir V. Babashkin*, DSc (History), Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, Russian Federation, 115571. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru